

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

Я не верю в Бога, но скучаю по нему

1. Розы	9
2. Тридцать лет спустя	15
3. Откуда в Вифлееме?..	21
4. Аналоговый телефон	25
5. Зеленая Имоджен	36
6. Легко дается только энтропия	44
7. Письмо	51
8. Ситуация с Марией Магдалиной	54
9. Осенние листья	70
10. Еще одно имя Бога	81
11. Церковь	98

Содержание
1. Розы 9
2. Тридцать лет спустя 15
3. Откуда в Вифлееме?.. 21
4. Аналоговый телефон 25
5. Зеленая Имоджен 36
6. Легко дается только энтропия 44
7. Письмо 51
8. Ситуация с Марией Магдалиной 54
9. Осенние листья 70
10. Еще одно имя Бога 81
11. Церковь 98

Содержание
1. Розы 9
2. Тридцать лет спустя 15
3. Откуда в Вифлееме?.. 21
4. Аналоговый телефон 25
5. Зеленая Имоджен 36
6. Легко дается только энтропия 44
7. Письмо 51
8. Ситуация с Марией Магдалиной 54
9. Осенние листья 70
10. Еще одно имя Бога 81
11. Церковь 98

ЧАСТЬ II

Гутенберг и Фауст

12.	Эндрю Блэк	110
13.	Двигатель Купидона	125
14.	Аннотированное издание	137
15.	Могучая А, Жадная С и Пропавший Q	143

... герою из его
 сверхъестественного при-
 ключения может потребовать
 помочини жено. Тогда послание
 мира должен прийти к нему и
 забрать его.
 Джаспер
 Кэмп-
 белл

* * *

Представители других архетипов, например гаставники и плуты, также способны в это время преобразоваться в Мерлина, наставника короля Артура, часто перевоплощается чтобы помочь своему другу. Богиня Афина неоднократно выручает Одиссея и его сына, принимая облик разных людей.

Кристо-
фер Бог-
лер

... герою из его
 сверхъестественного при-
 ключения может потребовать
 помочини жено. Тогда послание
 мира должен прийти к нему и
 забрать его.
 Джаспер
 Кэмп-
 белл

... герою из его
 сверхъестественного при-
 ключения может потребовать
 помочини жено. Тогда послание
 мира должен прийти к нему и
 забрать его.
 Джаспер
 Кэмп-
 белл

... герою из его
 сверхъестественного при-
 ключения может потребовать
 помочини жено. Тогда послание
 мира должен прийти к нему и
 забрать его.
 Джаспер
 Кэмп-
 белл

... герою из его
 сверхъестественного при-
 ключения может потребовать
 помочини жено. Тогда послание
 мира должен прийти к нему и
 забрать его.
 Джаспер
 Кэмп-
 белл

*Посвящается
Могучей А и моему Второму Стэнли*

ЧАСТЬ I
Я НЕ ВЕРЮ В БОГА,
НО СКУЧАЮ ПО НЕМУ

Мир словно исчезает. Разве мы все в глубине души этого не знаем? Этот идеально сбалансированный механизм криков и эха маскируется под вращающиеся шестерни, волшебные часы, тикающие под загадочным стеклом, именуемым нами жизнью.

Стивен Кинг

Розы

Когда я был ребенком, мой отец был знаменит. Доктор Стэнли Куинн был писателем; человеком твердого слова и убеждений, который при помощи щелкающих клавиш пишущей машинки и мотков красящей ленты — а также непоколебимой решительности и упорству — стал величайшим журналистом, поэтом и военным корреспондентом своего поколения.

В реальности это означало, что отец редко бывал дома, но я, так или иначе, всегда ощущал его присутствие. Он постоянно находился рядом: фотографиями в прессе, мыслями на тонкой бумаге газет, что пачкали мои пальцы типографскими чернилами, бестелесным голосом из кухонного радиоприемника.

Мне, ребенку трех-четырёх лет, тогда казалось, что отец уезжал из дома только частично. Его имя, голос, фото всегда были со мной, они присматривали за нами. Даже сейчас, почти тридцать лет спустя, мой отец иногда возвращается, хоть уже и гораздо реже. Его голос можно услышать в телевизионных документальных фильмах о былых войнах. Бейрут, Суэц, Маскат.

На экране появляется: «Архивный репортаж» — и вот он словно оказывается в комнате, снова рядом, и рассказывает о происходящем сквозь шум и помехи старой записи.

А ведь детское восприятие — очень сильное. Мы знакомимся с миром через призму восприятия родителей: как витражи, они пропускают через себя свет и раз и навсегда окрашивают нас своими цветами. Доктор Стэнли Куинн всегда казался мне фрагментарным, а Александра Куинн, моя мать... Она медленно увядала.

Лишь позже я осознал, что она никогда не вставала с постели. Когда я был ребенком, мне это совсем не казалось странным. Я считал, что так и должно быть, и, честно говоря, мне все нравилось. Первые годы моей жизни мы устраивали посиделки в ее комнате на втором этаже: проводили вечера за разговорами, или же я слушал, как она читает одну из многочисленных книг, которыми был заполнен каждый уголок загородного дома.

Мама была настоящей красавицей, бледной, хрупкой, а ее волосы сияли на солнце, как нимб. Сейчас-то я знаю, что с ней происходило, и понимаю, что с каждым днем ей становилось все хуже, но никак не могу сопоставить это знание с изменениями, которые наблюдал в прошлом. С каждым днем она была все тише, бледнее, прозрачнее. словно становилась иной, ускользала из реального мира. Не помню ни особенно тяжелых дней, ни приступов кашля, ни малоприятных внешних проявлений — только ощущение, что она перестает быть собой и постепенно превращается в нечто иное. Она каждый день читала мне тихим, нежным голосом, и когда все детские книги в доме закончились, мы перешли к доверху забитым полкам с коллекцией родителей. Я познакомился с греческими трагедиями, дарвиновской борьбой за существование и тигром, светло

горящим. Мама читала мне слова великих мыслителей, писателей и художников разных веков, а я все это жадно впитывал.

Но поверьте: особенным я от этого не стал. Я часто представляю себя маленьким садовым сараем — шаткой коробкой из старых досок, снятых с великих домов Диккенса и Дарвина, и покрытой потрескавшейся черепицей, осыпавшейся с крыши особняка Германа Мелвилла. Щеколда моя сломана, окна не открываются, а когда идет дождь, все внутри заливают водой менее чем за полчаса. И в этом нет ничего плохого. Тут уж как есть, и меня это, знаете ли, совершенно не беспокоит, хотя вроде как должно. Ведь когда я поднимался на второй этаж по скрипучим ступенькам, прижимая к груди очередную тяжелую книгу в твердом переплете, мною двигала не жажда знаний и развития. Все, чего я хотел — провести с мамой несколько спокойных часов, устроившись на кровати и слушая ее тихое чтение. Лишь потом я осознал, что прочитанные ею истории стали частью меня, проникли под кожу, в кровь — и все благодаря ее голосу и светлой любви, которыми и запомнились мне те годы.

О

Я помню два отрезка раннего периода моей жизни: лето и зиму, — хотя, естественно, между ними была и осень. То лето было исключительным, потому что доктор Стэнли Куинн вернулся домой на продолжительное время. То была большая редкость.

Помню, его физическое присутствие казалось мне чудом. Я-то привык ассоциировать его только с фото, голосом, запахом одежды в шкафу и сотней других одномерных проявлений. Но тем летом он собрался воедино, словно по воле некоей силы, словно на короткое время все разрозненные элементы воссоединились и создали человека, и этот человек мог взаимодействовать с миром. Например, он реагировал на произносимые слова, перемещался по дому, срезал розы; его можно было коснуться и понять, что рука, которой он держал мою, — настоящая, и для меня все это было чудесно, волшебным и удивительно до невозможности.

Один из разговоров с отцом мне запомнился особенно ярко.

Воспоминание начинается с корзины роз.

— Зачем ты их срезаешь?

Доктор Стэнли Куинн опустил на меня взгляд. В одной руке он держал розу, в другой — серебрястые садовые ножницы.

— Чтобы мы могли отнести их маме. Она любит розы.

— Красные — ее любимые.

— Верно, — отец срезал еще один цветок. — Самые любимые.

— Но если их срезать, они погибнут.

Должно быть, я сказал это очень серьезным тоном, поскольку отец остановился и опустился передо мной на колени.

— А как еще мама сможет их увидеть?

Я задумался.

— Можно принести ей фотографию.

— Разве эффект будет тот же?

Я снова задумался.

— Нет.

— Именно, — сказал он. — Розы яркие и красивые, но быстро увядают. И это нормально. В этом их суть.

Мы занесли розы в дом.

О

Другое воспоминание — о следующей зиме, о том, как меня привели в спальню родителей, чтобы я попрощался с мамой и взглянул на нее в последний раз.

Помню занесенное снегом окно, вой бушующей снаружи метели. Помню, что в комнате было тихо и спокойно. Пылинки звездами застыли в воздухе. Мамина голова на подушке казалась почти невесомой, словно мамы там и не было.

Я без страха подошел к постели.

Но не чувствовал резкой боли разлуки. Как и отец, мама исчезала из жизни по частям — правда, немного в другом смысле.

Не было ощущения, что ее жизнь оборвалась; скорее, я считал, что она подошла к закономерному завершению материнского процесса. Сколько себя помню, ее голос становился все тише, а движения все медленнее. В последние недели она читала мне книги едва слышным шепотом, а в самом конце — уже беззвучно: ее губы произносили слова, но я не мог их расслышать. Движений она совершала все меньше, потом они стали

едва различимыми, а потом прекратились. Она переходила из одного состояния в другое — так было всегда, и, в сущности, только это в итоге и произошло.

Я тихо стоял у кровати, взяв маму за руку, и смотрел, как кружатся и оседают на оконном стекле снежинки. И чувствовал, как внутри меня тоже идет снег; как мысли укрывает белым покрывалом, отчего они становились тише, мягче, затуманивались, а разум охватывало уютное оцепенение.

Через несколько мгновений мой взгляд скользнул к большой книге, «Энциклопедии растений и деревьев Британии» Бротона, лежащей на краю прикроватной тумбочки. Мы вместе читали эту книгу. Я наизусть знал сотни описаний, гравюр и цветных иллюстраций. Я забрался на матрас рядом с мамой, положил энциклопедию себе на колени, открыл ее.

Книга раскрылась, и меж страниц я увидел то, чего раньше там не было.

Настоящую, красную, спрессованную розу — настолько плоскую, что она казалась прозрачной.

Я потянулся, чтобы дотронуться до нее пальцем, и вдруг осознал, что не в силах это сделать.

С большой осторожностью я высвободил цветок из строчек печатного текста.

И долго сидел, молча держа его в руках.

Тридцать лет спустя

«Энциклопедия растений и деревьев Британии» Брото-на стоит первой на моей книжной полке, но если бы вы ее увидели, то вряд ли бы узнали. Она замотана в кокон из пузырчатой пленки и устойчивого к ультрафиолетовому излучению пакета, которые обычно используют, чтобы сохранить в надлежащем виде старые комиксы о Супермене.

Тридцатилетняя роза внутри потрепана только самой малостью. Она лишилась лепестка — спасибо шестнадцатилетнему мне. Идиота кусок. Этот подросток с растрепанными волосами решил, что надо везде носить с собой лепесток и показывать его девушкам на вечеринках — таких, где всегда включают группу The Cure. В конце концов он отдал лепесток той, с которой про- сидел всю летнюю ночь в закрытом парке.

Есть и другие, менее серьезные повреждения. Один из листиков случайно согнулся, и по сгибу пошла трещина; кроме того, на стебле висит полуоторванный шип, что все время цепляется за переплет. Чем чаще я открывал книгу — тем больше причинял цветку ущерба. Вот почему сейчас мамина роза все время находится под защитой страниц — она плотно зажата между ста-

тьями «Гладиолус» и «Глоксиния», — пузырчатой пленки и специальной обложки для Супермена.

Следующая книга на полке — при условии, что я иду на восток, как и все начинающие читатели в моей части света, ✚ — большое, серьезное издание собрания сочинений отца.

Надпись на титульном листе гласит: «Том, я всегда буду рядом» — и я могу воспроизвести каждую линию и соединение букв этой фразы по памяти. Книга солидная и сильно потрепанная: много загнутых уголков, подчеркнутых абзацев и замусоленных страниц.

В букинистическом магазине ее качество оценили бы как «приемлемое», но будь она плюшевым мишкой, то вы бы описали его скорее как «затисканный до дыр».

Оставим собрание сочинений и перейдем к трем книгам моего раннего подросткового возраста: «Дон Кихот» в красивом твердом переплете, «Оно» в мягкой обложке и потрепанный экземпляр «Колдуна огненной горы».

Эти книги особенные: они выжили. В возрасте тринадцати лет, в один давно забытый июльский день, я снял их с полки в загородном доме и положил в чемодан (вместе с «Собранием сочинений» и «Энциклопе-

✚ В английском языке литературная стрелка всегда движется слева направо. Таков закон страниц, строк, слов и букв. Лево — это прошлое, оставшееся позади, а право — неизвестное будущее. Но вы, конечно, это знаете. Вы ведь путешествуете вместе с этой стрелкой прямо сейчас. Но будьте осторожны: вам может показаться, что слова проносятся мимо, словно пейзаж за окном поезда, однако — точно так же, как и пейзаж, — ничто на этой странице на самом деле не движется.

дией», которые повсюду брал с собой), чтобы читать во время летних каникул в доме тети у моря. Поэтому их не было в доме, когда вторая жена отца, поэтесса Марджери Мартин, устроила пожар и уничтожила все наше имущество.

Но идем дальше.

После выживших переходим к еще одной книге отца — «Новому собранию сочинений». Небольшая черная книга, разделяющая полку надвое подобно мел-палеогеновой границе или линии сажи и разрушения. Надпись в ней следующая: «Моему сыну Томасу». Доктор Стэнли Куинн оставил еще немного места для других слов, но, должно быть, передумал или же так и не удосужился их дописать. Больше на странице ничего нет. Книга эта знаменует собой конец — такая неровная и зарубцованная линия Мажино, что пролегла меж мной и отцом. За долгие годы ни один из нас так и не решился ее пересечь.

Далее на полке стоят книги, отсчитывая десятилетие, и вот мы подходим к маленькому роману в твердом переплете «Qwerty-автомат» за авторством Томаса Куинна. Мой первый роман. Этот самый экземпляр я отправил отцу в день публикации и получил обратно неделю спустя вместе с краткой запиской от незнакомца, гласившей: «Слишком поздно».

Слишком поздно. Через пару дней начали появляться некрологи. Никогда не умел выбирать правильный момент. Мой отец — говорящий,двигающийся, дышащий, держащий меня за руку отец — расщепился навсегда.